

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

НА РОМАНСКО-ГЕРМАНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Е.Г. Дмитриева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье с различных ракурсов рассматриваются вопросы, связанные с пространственной и социальной вариативностью французского языка в Люксембурге — западноевропейском государстве, сохраняющем давние исторические и тесные культурные связи с Францией. Интерес к данной проблематике объясняется влиянием, которое оказывают процессы глобализации на языковую ситуацию в странах с небольшим по численности населением.

В статье говорится о двух разнонаправленных тенденциях, имеющих место в лингвоареале Люксембурга. С одной стороны, это целенаправленная поддержка местного языка как средства национальной идентификации. С другой стороны, это понимание негативных последствий, неизбежных для многих сфер общественно-политической жизни страны, если продолжить попытки трансформировать обиходно-разговорный язык люксембуржцев до уровня литературно-письменного языка. Ситуация отягощается давлением социально-экономических и демографических обстоятельств, в результате которых функциональная ниша местного языка сужается, и как инструмент вербальной коммуникации в стране все чаще используется французский язык.

Изучение методов и форм цивилизованного разрешения подобных противоречий (примером чего может служить языковая политика властей Люксембурга) особенно актуально в наши дни на фоне дискуссий о роли и перспективах существования русского языка в странах нашего «ближнего зарубежья».

Ключевые слова: лингвистическая компетенция, билингвизм, коммуникация, функциональный статус, интерференция.

Люксембург — западноевропейское государство площадью около 2586 кв. км с одноименной столицей. Расположено в междуречье Мозеля и Мааса на стыке границ Бельгии, Германии и Франции. В лексике государственного языка «*Luxemburger deutsch*» (люксембургский немецкий) или «*Letzeburgesh*» (летцебургский), который изначально формировался на основе немецкоязычных говоров «*мозельской (moselfrankisch) диалектной группы*» [1. С. 17], отмечается значительное число заимствований из французского языка лингвистической метрополии и франкобельгийского национального варианта.

Наряду с государственным (*staatsprache*), официальными (*amtssprache*) языками Люксембурга законодательством определены немецкий и французский. Эта уникальная для Европы лингвистическая ситуация, когда немногочисленный этнос на ограниченной территории одновременно употребляет три языка, предопределена историей Люксембурга.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

«Юрием Долгоруким» Люксембурга стал один из потомков Карла Великого — рыцарь Зигфрид. В 963 году н. э. он заложил в долине реки Альзетт замок Люцилинбурхук (*от старогерманского слова «Lucilinburhuc», что означает «маленькая крепость»*) [2]. С XI в. окружающая замок местность обрела статус графства. Но в отличие от основанной спустя двести лет Москвы Люксембург не стал заметным субъектом тысячелетнего процесса государственной консолидации западноевропейских держав. И это несмотря на то, что главами «Священной Римской империи германской нации» (так называемого «Первого рейха») в разное время избирались пять представителей местной династии. Единственным значимым следствием такого возвышения феодальной семьи Люксембургов стало для германоязычных жителей графства возведение их сюзерена в герцогское достоинство (1354 г). Тогда же активизируется процесс приращения территории новоиспеченного герцогства за счет соседних земель с романоязычным населением (в первую очередь, речь идет о франкоговорящей Валлонии). Следует добавить, что задолго до того языком местной знати стал французский в его литературно-письменной форме. Характерный факт: хартия вольностей, дарованная городам Люксембурга (1239 г.), в нарушение канона была написана не по латыни, а на французском. Тогда как первый документ на немецком языке появился спустя почти 90 лет (1328 г).

В 1443 г. завершился средневековый период феодальной самостоятельности герцогства. Временное ослабление империи и ряд обстоятельств, связанных со Столетней войной Франции с Англией, позволила Бургундии аннексировать Люксембург. Спустя век Бургундская держава распалась, и в результате династических браков территория современного Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды, Люксембург) оказалась под властью испанских Габсбургов (1555 г). В начале XVIII в., после войны теперь уже за Испанское наследство, по Утрехтскому мирному договору (1713 г.), Люксембург почти на столетие переходит под юрисдикцию Вены. Во времена французской революции, по декрету Конвента республики (1795 г.), герцогство ликвидируют, а его территорию присоединяют к революционной Франции под именем «Лесного округа» (*«département des Forêts»*).

Таким образом, уже к середине XIV столетия в Люксембурге сложились два лингвистических ареала. На северо-западе страны говорили на франковаллонском, на юго-востоке — на мозельском (теперь уже «люксембургском») диалекте немецкого. Помимо территориального размежевания имела место дифференциация языков по сословным стратам: феодально-аристократический истеблишмент

общался на «правильном» французском языке (*«langue d'oïl»* — франсийский диалект). В такой обстановке общественные функции люксембургского немецкого неуклонно слабели. Этот тренд получил новую динамику после введения на территории упомянутого выше «Лесного округа» французского гражданского кодекса — «кодекса Наполеона» (1804 г.), который был положен в основу местного законодательства. Французский язык стал языком муниципалитетов даже на юго-востоке — в немецкоязычной части страны.

На знаменитом Венском конгрессе (1815 г.) герцогство реставрировали. В соответствии с политическим курсом на сдерживание постнаполеоновской Франции Люксембург был провозглашен членом Германского союза и «помещен» (на правах личной унии) под монарший «присмотр» нидерландских королей династии Оранских-Нассау. Однако эти перемены на языковое статус-кво не повлияли. Несмотря на указы 1830—1834 гг., которые декларировали право свободного выбора языка, в административной сфере продолжал доминировать французский язык; на немецком издавались комментарии официальных документов, с целью сделать их общедоступными, а люксембургский диалект оставался средством повседневного общения на юго-востоке страны.

В современных границах Люксембург существует с 1839 г., что связано с драматическими событиями, случившимися в западных провинциях Нидерландов и известными по учебникам истории как «бельгийская революция». Восставшие валлоны, до той поры «приписанные» к Люксембургу, и их соседи фламандцы образовали (с разрешения великих держав) новое государство — Бельгию. В результате этой геополитической комбинации территория герцогства уменьшилась до географических размеров своего германоязычного ареала, и произошел эффект лингвистического «выравнивания». Французский язык в Люксембурге навсегда потерял свой валлонский «колорит», а его жители, употребляя французский, с тех пор пользуются грамматически выверенным *«le français standard»*, полученным в школе.

В Швейцарии метропольный вариант французского языка также доминирует. Но в альпийской республике лингвогенезис протекал на фоне гугенотской иммиграции, *«когда после отмены Нантского эдикта (1689 г.) из Франции в западные кантоны перебралось множество вынужденных переселенцев»* [3. С. 11]. Их потомки стали носителями франкошвейцарской лингвистической традиции со своей кодифицированной нормой, присущей национальному варианту языка, тогда как в Люксембурге имел место обратный процесс: франкоязычные валлоны были «выдворены» из герцогства вместе с территорией проживания. Французский язык в Люксембурге и сегодня обладает некоторыми чертами национального варианта своих валлонских соседей. Однако их не просто идентифицировать, так как среди подданных Великого герцога нет сколько-нибудь значительного числа носителей французского языка, как и работ, посвященных особенностям французского языка в Люксембурге. Здесь (в отличие от франкоязычной Швейцарии) отклонения в фонетике, грамматике и лексике не носят регулярного характера, а зависят от лингвистической компетенции конкретного индивида.

По-настоящему серьезная перемена лингвистического «климата» в пользу летцебургского языка произошла под давлением внешних обстоятельств. Причиной стала общеевропейская революция, охватившая Францию, Германию и Австрию (1848—1852 гг.). Конституционные Акты 1841, 1848 и 1856 г. даровали подданным Великого герцога «*основные права и свободы в рамках парламентской демократии и конституционной монархии*» [4].

Эти события вызвали к жизни (помимо возросшего интереса к люксембургской истории и этнографии) диалектный «ренессанс»: летцебургский язык начал употребляться в качестве средства коммуникации, обладающего свойствами письменного языка. Постепенно создается монологический (тексты без собеседника) тип речи люксембуржцев. В парламенте был «потеснен» французский язык, а в муниципальных советах, на сцене, в литургии и публицистике главной «жертвой» стал немецкий. Символ веры жителей герцогства выразил в те годы поэт Мишель Ленц (1820—1893) в следующей строфе своего стихотворения (написанного по-летцебургски): «*Оставьте нас такими, какие мы есть!*». Им же написаны слова песни «*Ons Heemecht*» («Наше Отечество»), первая и последняя строфа которой составили текст национального гимна страны (1859 г.). Эта идея конкретизирована в поэме другого известного литератора — Мишеля Роданжа (1827—1876): «*...французы — за шампанским, за рейнским же — пруссаки*» [5. Р. 4]. Осознание себя как этноса, отличного от своих могучих соседей (в первую очередь в лингвокультурном отношении), легло в основу патриотического самосознания люксембуржцев. В этой связи многие политологи указывают на нечастую для европейского континента особенность: в Люксембурге «*государственное строительство во многом опережало процесс зарождения и становления национальных чувств*» [6. С. 7].

В тот исторический период отношение рядовых люксембуржцев к французскому языку, бывшему на протяжении многих веков языком агрессоров, оккупантов и аристократических верхов, оставалось настороженным. Однако среди местных интеллектуалов крепло убеждение, что равноправное сосуществование на земле Люксембурга двух великих европейских языков станет «*гарантией против пангерманизма*» [5. Р. 24]. Во многом по этой причине в конституции 1868 г. впервые сформулирован принцип равноправия французского и немецкого языков. На диаметрально противоположный поменялся и вектор внешней угрозы: с традиционного западного («французского») направления на восточный («прусский»). Впрочем, в контексте истории дипломатии XIX столетия можно говорить о счастливом «кейсе» («*cause*») этой небольшой европейской страны. После победоносных войн Пруссии против Австрии (1866 г.) и Франции (1870 г.) Люксембург, как член Германского союза, не только не был включен в созданную Бисмарком Германскую Империю («Второй рейх»), но и обрел статус «*вечно нейтрального*» и демилитаризованного герцогства с громкой приставкой «Великое» (лондонская конференция великих держав 1867 г.). А когда в 1890 г. пресеклась уния с нидерландскими королями, Люксембург, спустя четыре с половиной столетия, вновь обрел собственного монарха (герцогская корона перешла к «боковой» линии прежней династии — семье Нассау-Вейлбург).

Но уже в первой половине следующего, XX в. люксембуржцы испытали два нашествия с востока.

В первую мировую войну гарантии великих держав не помешали кайзеровской Германии захватить территорию Люксембурга. Так как немецкая оккупация ограничилась военной сферой, власти герцогства, выступив с протестом, объявили о своем нейтралитете. Великая герцогиня Мария-Аделаида, не проявив политической смекалки, осталась в стране и вместе с правительством продолжила осуществлять гражданское управление. После окончания войны и эвакуации немецких войск мстительные победители обвинили правительницу в коллаборационизме (термин, который появится позже для обозначения соглашательского поведения части французов во время нацистского владычества). В январе 1919 г. она отреклась от престола в пользу своей сестры Шарлотты.

В результате этих драматических событий «лингвистический» маятник качнулся в обратную сторону. Теперь отторжение вызывал уже язык восточных соседей. В стране появились семьи, где родители разговаривали со своими детьми исключительно по-французски. К чести гражданского общества страны, это языковое «ноу-хау» было воспринято как опасный прецедент, способный привести к утрате национальной идентичности. Таким образом, главенствующим фактором сохранения и развития летцебургского языка стало наличие люксембургской государственности и связанное с ней воздействие социально-политических реалий на языковую политику. Центром изучения летцебургского языка стала *«Секция языкознания, фольклора и топонимики»* (1935 г.) *«Института Великого Герцога»* [4], который выполняет в Люксембурге функции Академии наук.

Тяготы нацистской оккупации (1939—1945 гг.) еще более усилили эмоциональный и культурологический «крен» в сторону Франции. Его спикером стал Марсель Ноппени (Norreney M.) (1877—1966) — глава объединения местных литераторов, пишущих на французском языке. Вот некоторые из его лозунгов: *«Мы ничем не обязаны немецкой культуре»*; *«У каждого две родины — своя и Франция»* [1. С. 181].

Характерный факт: в тексте конституционной реформы 1948 г. отсутствовало положение о равноправном (наряду с французским) хождении немецкого языка. А когда началась «холодная война» из Конституции изъяли статью о *«вечном нейтралитете»*. С тех пор Великое Герцогство активно участвует в евроатлантических структурах и является учредителем многих институтов евроинтеграции.

В 1951 г. Люксембург как ведущий центр сталелитейной промышленности Старого Света способствовал франко-германскому примирению посредством создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Этот экономический альянс заложил фундамент будущего Европейского Союза, еврозоны и Шенгена, а город Люксембург — вместе с Брюсселем и Страсбургом — стал штаб-квартирой многих европейских организаций. С конца 1960-х годов Люксембург — крупнейший (после Лондона) финансовый и банковский центр ЕС, популярная в определенных предпринимательских кругах офшорная зона. А с ноября 2014 г. Еврокомиссию (ЕК) — исполнительный орган ЕС с достаточно широкими полномочи-

ями — возглавляет Жан-Клод Юнкер, консервативный политик, долгие годы работавший на посту премьер-министра Люксембурга.

В настоящее время летцебургский язык продолжает выполнять ряд общественных функций (периодическая печать, радио, телевидение), что означает определенное сужение функционального спектра не только немецкого (в первую очередь), но и французского языков. В то же время развитого письменного кода летцебургский язык до сих пор не получил, о чем свидетельствуют прилавки книжных магазинов и библиотечные фонды. По той же причине на государственном языке Великого герцогства мы не найдем научных публикаций. Малоресурсность летцебургского языка и его фактическая миноритарность (с учетом географического положения герцогства на лингвистическом стыке романского и германского миров) не позволяет претендовать на место унаследованных традицией официальных деловых языков Люксембурга. По мнению местных аналитиков, вопрос о *«дальнейшем функциональном продвижении летцебургского языка должен быть снят с повестки дня, поскольку подобные попытки противоречат объективному процессу развития экономического пространства ЕС»* [7. С. 156].

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТАТУС ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Как отмечалось выше, процесс этнолингвистической консолидации люксембуржцев способствовал выдвиганию местного диалекта на позицию языка государственного. На вербальном уровне летцебургский язык образует сплошное перекрытие территории герцогства, тогда как официальные языки (французский и немецкий) занимают отдельные функциональные сегменты, находясь между собой в условиях конкурентного употребления. Закон о языковой политике от 24 февраля 1984 г. подтвердил государственный статус люксембургского языка и официальные статусы французского и немецкого, подчеркнув тем самым факт многовекового пребывания на этой земле романской и германской этнических групп.

Традиция употребления французского языка не прерывалась в Люксембурге со времен Средневековья. И сегодня подавляющее большинство люксембуржцев, отвергая крайности местных франкофилов, испытывают большие симпатии к своему западному соседу — Франции. Дополнительным стимулом служат сугубо лингвистические соображения: литературный немецкий является естественным («фоновым») продолжением местного языка, по преимуществу обиходно-разговорного. Поэтому, употребляя французский язык, жители герцогства имеют больше шансов сохранить свою самобытность в социокультурном отношении. Таким образом, внутри люксембургского лингвоареала переплетаются две взаимодействующие друг с другом тенденции: стремление защитить автономию летцебургского языка (в первую очередь от угрозы «онемечивания») и желание совершенствовать французский язык.

Однако характер взаимодействия этих тенденций нельзя назвать благостным, но, напротив, проблемным и даже противоречивым, если опираться на понятийный аппарат закона диалектики о единстве противоположностей.

С одной стороны, словарный запас любого подростка пополняется по схожим основаниям (неудовлетворительная частотность слов, потребность в синонимах и т.п.). Но в социокультурном плане билингвам легче воспринимать иноязычные обозначения новых предметов, и процессы калькирования и семантического заимствования у них более органичны и многочисленны (1). Если большинство европейских школьников, будучи одноязычными, опираются на традиционный лингвистический материал, то их люксембургские сверстники, владея вторым (и третьим!) языками, получают дополнительный источник лексических новаций. С другой стороны, социализация детей в люксембургских семьях происходит на летцебургском языке, а изучение обоих литературных языков начинается в средней школе. И на них же преподаются все школьные дисциплины. То есть родной язык искусственно замещается языками, которые только предстоит освоить. Помимо очевидных проблем с качеством образования, такая практика служит препятствием к установлению люксембургской нормы этих языков, так как усвоение и немецкого, и французского строится на использовании метропольных стандартов. Кроме того, согласно социологическим замерам, «более 90% выпускников средних школ герцогства свое знание немецкого языка оценивают выше французского» [1. С. 25] (что не удивительно, учитывая историческое родство люксембургского диалекта с германскими говорами). И хотя хорошее владение французским (особенно письменным) является важной предпосылкой успешного продвижения по карьерной лестнице, эти факторы создают парадокс диспропорции между высокой престижностью французского языка и его малым распространением с точки зрения совокупности употреблений.

Даже те, кто принадлежит к верхушке социальной пирамиды, вынуждены переключаться с одной коммуникативной системы на другую и отказываться от «своего» французского по причине узости социальной базы. Везде, где в среде местных жителей ставится задача добиться максимальной полноты коммуникации, используются не французский, а немецкий язык. По замечанию бельгийского лингвиста Э. Пьера (E. Pierre), в герцогстве «немецкий употребляется по мере необходимости, французский — по мере возможности» [Там же. С. 183]. По той же причине, несмотря на признание за французским статуса языка органов власти, официальные документы разрешено «дублировать» на немецком языке, который обслуживает бизнес и, что немаловажно, используется в церкви (2).

На французский язык как на язык элитарной культуры (опера и балет, симфонические концерты, вернисажи) ориентирована наиболее просвещенная и либерально настроенную часть общества. Широко употребляется в тех сферах общественной жизни, где семантические нагрузки на текст или сообщения невелики. Прежде всего, это топо- и антропонимика (обозначение станций, улиц, кафе и ресторанов; личные имена). Частотны слова *bonjour*, *au revoir*, *salut* и французские формулы вежливости: *madam*, *monsieur*, *merci* (3).

Однако координативный билингвизм среди люксембуржцев большая редкость даже в интеллектуальной сфере. В частности, литературные критики отмечают в «неполную свободу выражения» [1. С. 188] в текстах тех люксембургских авторов, которые пишут на французском языке. По их мнению, такой феномен сви-

детельствует об иноязычном происхождении писателя. Речь идет не об уровне владения французским языком (несомненно, совершенном), но о том, как эта компетенция реализуется в творческом процессе. Иван Тургенев, долгие годы проведший во Франции, писал по этому поводу: «...искренне признаюсь, что не понимаю авторов, которые могут делать такое чудо ловкости: писать на двух языках! ...быть в состоянии сочинять на двух языках и не иметь никакой оригинальности — эти два выражения в моих глазах совершенно тождественные...» [9. С. 4]. Также сошлемся на резюме авторитетного люксембургского диалектолога Р. Бруха (R. Bruch) «...на самом деле никто из нас не является по-настоящему двуязычным» [1. С. 188].

В подтверждение последнего высказывания позволим себе привести собственное суждение. Местный закон, который регламентирует отношения подданных герцога с местными бюрократами, обязывает последних отвечать на языке, который использовал ходатай, но с оговоркой «насколько это возможно»: (...*rédigée en luxembourgeois, en français ou en allemand, l'administration doit se servir, dans la mesure du possible, pour sa réponse de la langue choisie par le requérant*) [4]. Положение закона «насколько это возможно» в большинстве своем касается невозможности формулировать ответ на летцебургском языке (в силу его малоресурсности), а также и на французском, которым не каждый люксембургский чиновник владеет в должной мере.

В последние десятилетия в функциональный статус французского языка в Люксембурге претерпел серьезные изменения. Помимо языка законодательства и языка интеллектуалов французский все шире употребляется как разговорный, причем в той социальной среде, которую нельзя назвать элитарной. Эта лингвистическая метаморфоза вновь произошла под давлением внешних факторов. Только на этот раз в их основе лежали не геополитические коллизии или революционные потрясения (как раньше), но обстоятельства сугубо «ненасильственные», связанные с экономической глобализацией.

Статистика (на январь 2012 г.) свидетельствует: в стране зарегистрировано «525 тысяч жителей, в том числе 230 тысяч иностранцев, что составляет почти 44% от общей численности населения герцогства» [2]. Добавим сюда немалый поток «гастарбайтеров», ежедневно пересекающих люксембургские границы. Все они имеют возможность свободно пользоваться своими языками. В этом отношении Люксембург представляет собой лингвистический микрокосм Европейского Союза и витрину мультикультурализма — доктринальной доминанты ЕС, предполагающей языковую толерантность и свободный обмен социокультурными ценностями. Но при этом возникает эффект «вавилонской башни» (английский язык — «*lingua franca*» лишь для узкого круга топ-менеджеров научно-технологического и банковского секторов экономики и бюрократических структур ЕС). А большинство натурализованных люксембуржцев и приезжающих на работу являются или носителями французского языка (как соседи — бельгийцы) или уроженцами других романских стран (итальянцы, испанцы, португальцы). Овладение немецким, а равно — местным летцебургским для них достаточно проблематично, и французский язык стал лингва франка в коммуникационном отношении (4).

Что касается государственного языка, то свои позиции в полной мере он сохраняет в предгорьях Арденн, на севере страны, где немногочисленное местное население занимается сельским хозяйством.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ЛЮКСЕМБУРГЕ

Как следует из изложенного выше, сложившаяся ситуация функционирования в пределах единого социума трех языков представляет научный интерес, прежде всего, в аспекте социолингвистики. Что не исключает возможности исследовать лингвистические особенности каждого из них.

Французский язык в Великом Герцогстве опирается на нормы, установленные в самой Франции, так как малочисленность франкоязычных жителей не позволяет провести репрезентативную идентификацию особого типа языка. Поэтому устная речь люксембуржца, говорящего по-французски, определяется его индивидуальной компетенцией. Хотя и в этом лингвосегменте присутствуют отклонения, которые можно охарактеризовать как общие.

Процитируем в этой связи упомянутого выше Марселя Ноппени — известного энтузиаста по «перетягиванию» Люксембурга в зону франкофонии. Он рекомендует своим соотечественникам «*не ударять предпоследний слог*» и «*обращать внимание на носовые*» [1. С. 191]. Характерной чертой местного произношения является нейтрализация согласных в конце слова по признаку звонкости, а также тогда, когда следующее слово начинается с гласного или звонкого согласного. Подобные фонетические «сбои» связаны с дефицитом устойчивого узуса и характерны для недоусвоенных языков. Французское произношение «среднего» люксембуржца коррелируется в этом случае особенностями фонетики местного языка. В данном лингвистическом аспекте языковая ситуация в Люксембурге сходна с другими странами зоны франкофонии за исключением Бельгии, Канады и Швейцарии, где сложились национальные варианты французского языка.

Материал для лингвистических наблюдений в области грамматики, лексики и орфографии можно найти в печатных текстах, где его можно структурировать и легче выявить явления интерференции.

В грамматическом лингвосегменте трудности люксембуржцев вызывает процесс образования временной системы французских глаголов и использование вспомогательных глаголов, таких как *être* и *avoir*. Типической ошибкой является неверное употребление местоимений, выражающих адресат действия в конструкциях с пассивным причастием. Большая часть ошибок связана здесь с «*калькированием соответствующих конструкций немецкого языка*» [1. С. 192]. Некоторые ошибки в роде существительных также объясняются влиянием немецкого языка. Например, слово *le cigare* под воздействием немецкого *die zigarre* (женский род) в Люксембурге трансформировалось в женский род: *la cigare*. Женский род в местном французском получило слово *la garage* вместо центральнофранцузского *le garage*.

Все вышеперечисленное дает основание утверждать наличие признаков влияния как немецкого, так и летцебургского языков, структурно близких друг другу.

Французская лексика в Люксембурге включает в себя слова, которые отсутствуют в языке метрополии и являются прямыми немецкими заимствованиями. Например, «стадион» (фр. *stade*) заменяется немецким *stadion*. Значение «претендовать на что-либо» передается глаголом *flecter sur qch* из немецкого *auf etwas reflektieren*. Имеют место случаи «неверного» словообразования, когда лексема составлена из единиц французского языка, но во Франции не встречается. Например, *correctures* (исправления) вместо метропольного варианта *corrections*; *compresser* (сжимать) вместо *comprimer*, *balletteuse* (балерина) вместо *ballerina*.

Возникают синонимы, неизвестные во Франции, по причине устоявшейся путаницы при употреблении близких по значению или по форме французских лексем. Например, в Люксембурге не различают глаголы *apprendre* (учить что-либо) и *enseigner* (учить чему-либо, преподавать), *rentrer* (возвращаться) и *entrer* (входить). Имеют место случаи искажения семантики французских лексем. В большинстве своем они продуцируются под воздействием немецкого языка, а также (хотя и меньше) — под влиянием бельгийского варианта французского. Примерами могут служить следующие семантические дивергенты:

— фр. *quartier* (квартал) — в Люксембурге употребляется в значении «квартира» (фр. *appartement*, но нем. *Quartier*);

— фр. *instances* (ходатайство, просьба) — здесь означает «власть» (фр. *autorites*, но нем. *Instanz*);

— фр. *tapisserie* (ковер, вышивка) — понимается как «обивка», «обои» (фр. *tenture*, но нем. *Tapete* от глагола *tapezieren*);

— фр. *gymnase* (гимнастический, спортивный зал) — получило значение «гимназия» (по нем. *Gymnasium*).

Что касается интерференции со стороны франковаллонской лексики, то этот феномен во многом связан с тем, что молодые люксембуржцы предпочитают получать высшее образование в университетах своих бельгийских соседей (собственный люксембургский университет функционирует как подготовительный факультет для поступления в европейские или североамериканские вузы). Например, фр. *universitaire* (университетский преподаватель) во франковаллонской интерпретации в Бельгии и в Люксембурге понимается как «выпускник университета».

В орфографии преобладают ошибки, связанные с влиянием немецкого правописания. Так, в люксембургских франкоязычных изданиях можно встретить *manuscript* вместо *manuscrit*, *lotterie* вместо *loterie*.

Завершая лингвистическое описание особенностей французского языка в Люксембурге, отметим определенное их сходство с франкошвейцарским вариантом, который, по образной оценке лингвиста Б. Беша (B. Voesch), «*кишит германизмами*» [10. S. 44].

Таким образом, несмотря на административные меры поддержки государственного летцебургского языка, взаимоотношения трех официальных языков Вели-

кого Герцогства можно охарактеризовать как сбалансированные. При этом «*тополектное состояние*» французского языка на этой территории не позволяет определить его как «*региолект*» (5). Но у межкультурной коммуникации — социальная повестка дня, и это состояние может измениться, если нагрузка на коммуникативную личность жителя Люксембурга достигнет критической массы. А эта нагрузка коррелируется с развитием интеграционных процессов, происходящих в Европейском Союзе. Поэтому мониторинг фактического состояния французского языка в Люксембурге представляется задачей, имеющей серьезную научную перспективу. А с учетом языковых проблем, возникающих у наших ближайших соседей, исследование путей цивилизованного решения подобных проблем представляется особенно актуальным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Подробнее об этом в статье Н.Л. Кривчиковой и Н.В. Трещевой [8].
- (2) Люксембург считается один из основных оплотов католицизма в Европе. Здесь пышно, с соблюдением всех канонических традиций отмечаются религиозные праздники; среди жителей распространена молитва перед едой [4].
- (3) Сошлемся в этой связи на императора Карла V (1500—1558), который предпочитал общаться «с врагами — на немецком, с женщинами — на французском» (примеч. авт. — Е.Д.).
- (4) Эта разговорная речь обслуживает ограниченный класс ситуаций общения и характеризуется как пиджин. Вопрос о том, возможен ли процесс его постепенной креолизации, находится за рамками нашего обсуждения. Во всяком случае власти герцогства предпринимают серьезные и вместе с тем цивилизованные усилия, чтобы эту перспективу исключить или хотя бы отдалить (примеч. авт. — Е.Д.).
- (5) По мнению российского исследователя В.Т. Клокова, варианты французского языка за пределами Франции можно определить как «региолект». Подробнее об этом в статье [11].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Языки и диалекты Люксембурга / Отв. ред. А.И. Домашнев. СПб.: Наука, 1993.
- [2] Государственный институт статистики и экономических исследований (Люксембург). URL: <http://www.statistiques.lu>.
- [3] Дмитриева Е.Г. Лексико-семантические и стилистические особенности французского языка в Швейцарии: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2008. URL: <http://www.rudn.ru>.
- [4] URL: http://www.wen.uni.lu/studies/flshase/master_en_langues_cultures_et_medias_letzebuenger_studien_academique.
- [5] Viatte A. La francophonie. Paris, 1969.
- [6] Килль Ж. Тысячелетний Люксембург. М., 1965.
- [7] Реман Ж.Р. Очерк одной ситуации многоязычия: Люксембург // Новое в лингвистике: языковые контакты. М., 1972. Вып. 6.
- [8] Кривчикова Н.Л., Трещева Н.В. О специфике процесса заимствования во французском языке // Инновации в образовании. 2014. № 2.
- [9] Валуцьева И.В., Хухуни Г.Х. Парадокс билингвизма // Филологические науки. 2014. № 3.
- [10] Boesch B. Die mehrsprachige Schweiz // Wirkendes Wort. Sammelbd 1. Dusseldorf, 1962.
- [11] Клоков В.Т. Особенности территориальной вариативности французского языка в мире. М., 2003.

ON THE LATINIAN-GERMANIC FRONTIER: THE EVOLUTION AND THE ACTUAL CONDITION OF THE FRENCH LANGUAGE IN LUXEMBOURG

E.G. Dmitrieva

Department of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya st., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the linguistic situation in Luxembourg, a European country that has strong connections with France. The interest in this problem is based on the impact of the globalization process on the linguistic situation in a country with a small population.

The article touches upon two different tendencies in the linguistic range of Luxembourg: the stable support of the local language as a means of social identification on one hand, and on the other — the understanding of the possible negative effects of the transformation of common language into a standard one.

The situation is aggravated by social-economic and demographic consequences resulting in the narrowing of local language use and the overrepresentation of the French language as an instrument of verbal communication in the country.

The study of the methods and forms of a civilized solution to this kind of contradiction is very real today in the face of the discussions of the role and perspectives of the Russian language in the former Soviet republics.

Key words: linguistic competence, bilingualism, communication, functional status, interference.

REFERENCES

- [1] Iaziki i dialekti Luxembourg [Languages and dialects of Luxembourg] (editor-in chief Domashnev A.I.), SPb., Nauka, 1993.
- [2] The State University of Statistics and Economic (Luxembourg). URL: <http://www.statistiques.lu>.
- [3] Dmitrieva E. Leksiko-semanticheskie i stilisticheskie osobennosti francuzskogo jazika v Shveicarii [Lexico-semantic and stylistic features of the Swiss national variant of French language] synopsis of a PhD thesis. M., 2008. URL: <http://www.rudn.ru>.
- [4] URL: http://www.uni.lu/studies/flshase/master_en_langues_cultures_et_medias_letzebuenger_studien_academique.
- [5] Viatte A. La francophonie. Paris, 1969.
- [6] Kill J. Tishacheletnii Luxembourg [Millennial Luxembourg]. M., 1965.
- [7] Reman J.R. Oчерk odnoi situazii mnogojazichija. *Novoe v lingvistike: jazikovye kontakti* [An essay of a multilingualism situation: Luxembourg. *New in linguistics*]. M., 1972. Iss. 6.
- [8] Krivchikova N.L., Tresheva N.V. O spetsifike prozessa zaimstvovanija vo francuzskom jazike. *Innovazii v obrazovanii* [The particularity of linguistic borrowing in the French language. *The innovations in the education*]. 2014. N 2.
- [9] Valujtseva I.V., Huhuni G.H. Paradox bilinguizma. *Philologicheskie nauki* [The paradox of bilingualism. *Philological studies*]. 2014. N 3.
- [10] Boesch B. Die mehrsprachige Schweiz. *Wirkendes Wort*. Sammelbd 1. Dusseldorf, 1962.
- [11] Klovov V.T. Osobennosti territorialnoj variativnosti francuzskogo jazika v mire [The particularities of territorial variations of the French language in the world]. M., 2003.

© Дмитриева Е.Г., 2016

Дата поступления в редакцию: 23.11.2015

Дата принятия в печать: 26.01.2016